

Иван
ПУТИЛИН

СОРОК ЛЕТ
СРЕДИ УБИЙЦ
И ГРАБИТЕЛЕЙ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 94(47)+343.132

ББК 63.3(2)+67.73

П 90

Оформление обложки Ильи Кучмы

Текст печатается по изданию: 40 лет среди убийц
и грабителей: Записки первого начальника
Петроградской сыскной полиции И. Д. Путилина.
Т. 1–2. Пг.; М., 1916.

Путилин И.

П 90 Сорок лет среди убийц и грабителей : рассказы /
Иван Путилин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА,
2026. — 416 с.

ISBN 978-5-389-32146-5

Если и был в Российской империи свой Шерлок Холмс, то это Иван Дмитриевич Путилин (1830–1893) — первый глава петербургской сыскной полиции. Задолго до выхода первых повестей и рассказов Конан Дойла гений русского сыска практиковал так называемый «дедуктивный метод». Так же как Холмс, Путилин нередко переодевался: в costume чернорабочего или бродяги проникал в самые опасные места уголовного мира тогдашнего Петербурга. Помимо аналитического и артистического талантов, Иван Дмитриевич обладал необыкновенным даром рассказчика. Книга «Сорок лет среди убийц и грабителей» составлена на основе подлинных уголовных дел, расследованных им, и выдержала множество переизданий. Можно смело утверждать, что ни одно современное произведение литературы и кино, созданное в жанре «ретродетектива», не обошлось без обращения к первоисточнику — путинской книге, погружающей читателей в жизнь имперской столицы.

УДК 94(47)+343.132
ББК 63.3(2)+67.73

ISBN 978-5-389-32146-5

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Иван Дмитриевич Путилин

(Биографический очерк)¹

И. Д. Путилин принадлежит к тому нередкому, к счастью, типу даровитых русских людей, которые только собственными трудами и способностями проложили себе дорогу в жизни.

Сын бедного чиновника (коллежского регистратора), И. Д. родился в г. Новом Осколе Курской губернии в мае месяце 1830 года. Родители его перебивались, что называется, с хлеба на квас, и по достижении Ваней десятилетнего возраста определили его в Новооскольское уездное училище, курс которого был окончен мальчиком в четыре года. Учился он в этом училище, как видно из сохранившегося «свидетельства», в общем только посредственно, при хорошем поведении. Впрочем, судя по воспоминаниям самого И. Д., в этот период своей жизни ни он особенно не налегал на книжное ученье, ни домашние не налегали на него во имя того же ученья. Школьной тогдашней науке он предпочитал игры со сверстниками на открытом воздухе. Это было и к лучшему. Подобный режим укрепил его здоровье и способствовал выработке самостоятельного и энергичного характера.

Как бы то ни было, но четырнадцать лет молодой Путилин уже окончил курс «уездной» науки, а материальные недостатки семьи заставляли серьезно призадумываться и его, и родителей о приискании какого-либо места.

¹ Очерк входил в издание: 40 лет среди убийц и грабителей: Записки первого начальника Петроградской сыскной полиции И. Д. Путилина: В 2 т. Т. 1. Пг.; М., 1916.

И вот, послужив несколько лет в Новом Осколе, молодой И. Д. Путилин решается отправиться в Петербург попытать счастья. Это было в 1850-х годах, И. Д. было в это время около двадцати лет.

Отправляясь в столицу, И. Д. имел там некоторую, как говорят, «заручку»: старший брат его Василий, получивший образование в Межевом институте, служил здесь уже несколько лет в Министерстве внутренних дел. Он же содействовал и тому, что прибывший в Петербург младший брат поступил на службу канцелярским служителем в то же министерство, в хозяйственный департамент.

Способности и необыкновенное трудолюбие молодого человека, скромнейшего «канцелярского служителя», были скоро замечены и оценены здесь. Но с одним свидетельством об окончании уездного училища И. Д. Путилину пришлось если бы и не всю жизнь, то, во всяком случае, очень и очень долго пробыть в положении канцелярского писца. Это заставило молодого человека задуматься. Случилось, к счастью, что непосредственный начальник И. Д., столоначальник, а впоследствии и вице-директор И. А. Виноградов принял в своем канцеляристе близкое участие и советовал ему учиться еще и еще.

Все свои свободные вечера и часы И. Д. начал проводить с этих пор за книгой. Из своего более чем скромного жалованья он ухитрился кое-что урывать на наем учителей из студентов. И старания его увенчались успехом. В 1853 году, то есть на 23-м году жизни, И. Д. выдержал при Петербургском университете экзамен из полного гимназического курса, что дало ему право быть причисленным по образованию ко 2-му разряду гражданских чиновников. Но на службе в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел И. Д. Путилин пробыл лишь до конца 1854 года. В декабре же этого года он ре-

шил перейти на более подвижную, хотя и более хлопотливую, полицейскую службу. По прошению он был перемещен на должность младшего помощника квартального надзирателя Толкучего рынка.

С этой маленькой должности началась полицейская почти сорокалетняя карьера И. Д. Путилина, с этого же времени начались непрерывные и быстрые успехи его по службе, отличия и награды. А с 1866 года, когда при петербургском обер-полицмейстере, а впоследствии градоначальнике было учреждено управление сыскной полиции, И. Д. был назначен начальником последней. Это управление сыскной полицией продолжалось почти непрерывно с 1866 года по 1889 год; и свою службу И. Д. окончил в чине тайного советника, со звездой Анны I-й степени. Досталось все это, впрочем, новейшему русскому Лекоку, как сейчас увидим, не даром.

Самый беглый пересмотр истории всякого рода мошенничества и преступлений второй половины XIX столетия тотчас показывает, что в лице И. Д. Путилина преступные элементы России имели достойного противника. Благодаря ему огромные суммы денег были возвращены казне и частным лицам, сделавшимся жертвой различного рода преступлений; были избличены и раскрыты целые ряды грандиозных мошенничеств, подлогов, таможенных преступлений, поджогов, подделок кредитных билетов, загадочных убийств и всякого иного вида и сорта преступных деяний...

И. Д. Путилин был полицейским в лучшем смысле этого слова не только по службе, но и по призванию. Об этом свидетельствует как то, что он сам добровольно избрал род этой деятельности, так и то, как любовно относился он к своему делу. Тотчас, при самом начале своей полицейской карьеры в должности младшего помощника квартального надзирателя на Толкучем рынке, он с интересом и серьезно начал знакомиться с преступным

миром Петербурга. Первый попавшийся ему в начальство квартальный надзиратель оказался человеком весьма строгим и требовательным по службе. И. Д. пришлось пройти хорошую начальную школу. Независимо от этого он, из любви к искусству, в свободные часы передевался в костюм чернорабочего или босяка или в иной и посещал всякого вида и рода постоянные двory, притоны, трактиры и вертепы, где околачивалась всякая бесприютная и преступная столичная перекатная голь и нищета. Здесь он вслушивался, запоминал речи, разговоры и лица, изучал воровской жаргон, заводил даже всякого рода знакомства.

Подобное «изучение» иногда было далеко не безопасно. Так, на первых порах этого изучения И. Д. попал однажды в «Золотой якорь» на Васильевском острове, и здесь, во время поднявшейся общей свалки, ему между прочим так помяли бока, что он насилу ушел. Этот урок, впрочем, нисколько не охладил усердия молодого человека, и он продолжал свою практику. Зато разыгрывать роли то чернорабочего, то купца, то босяка, то даже духовного лица он научился в совершенстве, и это в течение всей его дальнейшей карьеры сослужило ему немалую службу.

Интересные факты рассказывал по этому поводу покойный. В особенности пригодились ему это умение передеваться и играть роли при раскрытии знаменитой в свое время фабрикации фальшивых ассигнаций в Богородском уезде Московской губернии, организованной в широких размерах братьями Пуговкиными. И. Д. приходилось здесь играть роль диакона, якобы высланного из Москвы на послушание... Дело удалось раскрыть блестяще. Оказалось, что подделка кредиток была доведена до совершенства и сбывалась их не менее полумиллиона ежегодно. Обвиняемые пригласили лучших адвокатов своего времени, и защита велась блестяще. Но Путили-

ну удалось найти и блестящих в своем роде свидетелей. Так, один из них на вопрос председателя: «Что вам известно по делу Пуговкиных?» — ответил:

— Ничего не известно.

— Ну а чем занимались братья Пуговкины? — спрашивают его.

— Чем?.. Известно чем, — был ответ, — деньги делали!.. Это всякий мальчонка знал.

Этот простой, но искренний ответ произвел свое впечатление на присяжных, и все красноречие адвоката не могло его изгладить. Пуговкины пошли на каторгу.

Следует отметить еще одно замечательное наблюдение, вынесенное И. Д. из своей многолетней практики. Самых закоренелых преступников и страшных убийц он всегда допрашивал в своем кабинете с глазу на глаз. И не было случая, чтобы кто-либо когда-нибудь поднял на него руку или даже оскорбил его словом.

Это гуманное отношение к преступникам, как это ни странно, создавало И. Д. «приятелей» в этом своеобразном мире. И частенько, отправляясь в тюрьму по тем или иным делам, Путилин находил здесь старых знакомых — арестантов, которые расспрашивали об обстоятельствах дела и... по секрету давали ему весьма ценные указания и советы.

В 1889 году закончилась почти сорокалетняя полицейская служба И. Д., удалившегося по болезни окончательно в отставку с чином тайного советника.

По выходе в отставку Путилин поселился в своей усадьбе, на реке Волхов, в Новоладожском уезде. Здесь, на свободе, у него созрела мысль разработать и издать в виде записок накопившийся у него за долголетнюю службу интереснейший материал по всякого рода уголовной хронике России. Нечего и говорить, насколько были бы интересны подобные записки, доведенные до конца непосредственно самим И. Д. Он уже и принялся

Иван Дмитриевич Путилин

было за них. Привел в порядок многие бумаги, набросал план и распорядок записок, принялся за их детальную разработку.

Но как раз в то время, когда он желал приступить к печатанию своих записок, смерть неслышно подкралась к нему и унесла его в могилу. 18 ноября 1893 года, в 7 часов вечера, И. Д. умер у себя в деревне от инфлюэнцы, осложненной острым отеком легких, как определил причину его смерти местный земский врач.

Так окончилась жизнь этого, бесспорно, замечательного в своем роде служилого русского человека. К сказанному остается только прибавить, что после покойного не осталось никакого состояния: и движимое, и недвижимое пошло «с молотка» для расчета с кредиторами...

В руках наследников остались только отцовские записки да груды всяких интересных материалов.

СОРОК ЛЕТ
СРЕДИ УБИЙЦ
И ГРАБИТЕЛЕЙ

ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО АВСТРИЙСКОГО ВОЕННОГО АГЕНТА

Это было почти с начала моей деятельности в качестве первого начальника управления сыскной полиции, учрежденного при петербургском обер-полицеймейстере, потом градоначальнике, в 1866 году.

25 апреля 1871 года, часу в девятом утра, в управление сыскной полиции мне было дано знать, что австрийский военный агент князь Людвиг фон Аренсберг найден камердинером мертвым в своей постели.

Князь жил на Миллионной улице в доме, принадлежавшем ранее князю Голицыну, близ Зимнего дворца, как раз против помещения первого батальона Преображенского полка.

Военный агент занимал весь нижний этаж дома, окнами на улицу. Квартира имела два хода: парадный, с подъездом на Миллионную, и черный. Парадные комнаты сообщались с людскими довольно длинным коридором, оканчивавшимся небольшими сенями. Верхний этаж дома был не занят.

У князя было шесть человек прислуги: камердинер, повар, кухонный мужик, берейтор и два кучера, но из всех их лишь один кухонный мужик находился безотлучно при квартире, ночуя в людской. Камердинер и повар на ночь уходили к своим семьям, жи-

вущим отдельно, берейтор тоже постоянно куда-то отлучался, кучера же жили во дворе в отдельном помещении.

Князь был человек еще не старый, лет под шестьдесят, холостой и прекрасно сохранившийся. Он мало бывал дома. Днем разъезжал по делам и с визитами, обедал обыкновенно у своих многочисленных знакомых и заезжал домой только часов около восьми вечера. Здесь час, много два отдыхал и вечер проводил в Яхт-клубе, возвращаясь домой с рассветом.

Не желая, вероятно, иметь свидетелей своего позднего возвращения, а может быть, руководясь иными соображениями, но швейцара при парадной входной двери князь не захотел держать и настоял на том, чтобы домовладелец отказал бывшему прежде швейцару. Ключ от парадной двери для ночных возвращений он держал при себе.

Когда князь бывал дома, парадная дверь днем оставалась открытой.

Сложная задача

Получив известие о смерти князя фон Аренсберга, я, конечно, не теряя ни минуты, направив к квартире князя нескольких своих агентов, прибыл туда сам. Вскоре за мной явился туда же прокурор окружного суда, а вслед за ним масса высокопоставленных лиц, в том числе тогдашний австрийский посол при нашем дворе граф Хотек.

Дело всполошило и взволновало весь Петербург. Государь повелел ежечасно докладывать ему о результатах следствия. Надо сознаться, что при таких обстоятельствах, в присутствии такого числа и таких высоких лиц было не только труднее работать и со-

ображать, но даже, как мне казалось, было поставлено на карту существование самой сыскной полиции, не говоря уже о моей карьере.

«Отыщи или погибни!» — говорили, казалось мне, глаза всех. Но надо было действовать...

Предварительный осмотр дал только следующее.

Никаких взломов дверей или окон не замечалось. Злоумышленник или злоумышленники вошли в квартиру, очевидно открыв дверь готовым ключом.

Из показаний прислуги выяснилось, что около шести-семи часов утра камердинер князя вместе с поваром возвратились на Миллионную, проведя всю ночь в гостях.

В половине девятого часа камердинер бесшумно вошел в спальню, чтобы разбудить князя. Но при виде царившего в комнате беспорядка остановился как вкопанный, затем круто повернул назад и бросился в людскую.

— Петрович, с князем несчастье!.. — задыхаясь, сказал он повару, и они оба со всех ног бросились в спальню, где глазам их представилась такая картина: опрокинутые ширмы, лежавшая на полу лампа, разлитый керосин, сбитая кровать и одеяло на полу. Голые ноги князя торчали у изголовья, а голова была в ногах кровати.

— Оставайся здесь, а я пошлю дворника за полицией, — сказал повар.

Накануне же этого несчастного дня, то есть 24 апреля 1871 года, князь, по обыкновению, в 9 ¹/₄ часов вечера вышел из квартиры и приказал камердинеру разбудить себя в 8 ¹/₂ часов утра. У подъезда он взял извозчика и поехал в Яхт-клуб. Камердинер затворил на ключ парадную дверь, поднялся в квартиру

и, подойдя к столику в передней, положил туда ключ от парадной.

Камердинер убрал спальню, приготовил постель, спустил шторы, вышел из комнат, запер их на ключ и через дверь, которая соединяла коридор с сенями, отправился в людскую, где его поджидал повар; четверть часа спустя камердинер с поваром сели на извозчика и уехали. Вот и все, что удалось узнать от прислуги.

В комнате-спальне князя царил хаос. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что князь был задушен после отчаянного с его стороны сопротивления.

Лицо убитого было закрыто подушкой, и когда, по распоряжению прокурора, подушка была снята, то присутствующие увидели труп, лежащий ногами к изголовью. Руки его были сложены на груди и завернуты в конец простыни, а затем перевязаны оторванным от оконной шторы шнурком. Ноги были тоже завязаны выше колен собственной рубашкой убитого, около щиколоток же они были перевязаны обрывком бечевки. Когда труп приподняли, то под ним нашли фуражку.

Одеяло и подушки валялись на полу, залитом ке-росином из разбитой и валявшейся тут же лампы. На белье видны были следы крови, вероятно от рук убийц, так как на теле князя никаких ран не было.

По словам камердинера, похищены были разные вещи, лежавшие в столике около кровати: золотые французские монеты, золотые часы, два иностранных ордена, девять бритв, серебряная мыльница, три револьвера и принадлежавшая покойному пуховая шляпа — цилиндр.

В комнате рядом со спальней мебель была перевернута. На крышке негоряемого сундука, где хранились деньги князя и дипломатические документы, были заметны повреждения и следы крови. Видимо, злоумышленники потратили много сил, чтобы открыть сундук или оторвать его от пола, но толстые цепи, которыми он был прикреплен к полу, не поддались. Около окна валялся поясной ремень, а на окне стояла маленькая пустая «косушка» и лежал кусочек чухонского масла, завернутый в бумагу.

Вот все, с чем предстояло начать поиски.

По горячим следам

Чтобы иметь еще какие-нибудь улики, я начал внимательно всматриваться в убитого и заметил, что труп князя лежал головой в сторону, противоположную от изголовья кровати.

Это положение трупа не случайное, подумал я. Злодеи во время борьбы прежде всего постарались отдалить князя от сонетки, висевшей как раз над изголовьем, за которую князь неминуемо должен был ухватиться рукою, если бы злодеи на первых же порах не позаботились переместить его тело так, чтобы он не мог уже достать сонетки и, стало быть, позвать к себе на помощь спавшего на кухне кухонного мужика.

Но так поступить, очевидно, мог только человек домашний, знавший хорошо привычки князя и расположение комнат.

Вот первое заключение, сложившееся у меня в те несколько минут, которые я провел у кровати покойного. Само собой разумеется, что этих предполо-

жений я не сообщал куда ни прокурору, ни всему блестящему обществу, присутствовавшему в квартире князя при осмотре.

Я принялся опять за расспросы камердинера, кучера, конюха, дворника и кухонного мужика.

Не надо было много труда, чтобы убедиться, что между ними убийцы нет. Ни смущения, ни сомнительных ответов, ни вообще каких-нибудь данных, внушающих хотя бы тень подозрения на домашнюю прислугу князя, не обнаружилось. С этой стороны вопрос, как говорится, был исчерпан... И все-таки я не отказывался от мысли, что убийца князя — близкий к дому человек.

Тогда я вновь принялся за расспросы прислуги, питая надежду, что между знакомыми последней найдутся подозрительные лица.

Надо сказать, что прислуга покойного князя, получая крупное жалованье и пользуясь при этом большой свободой, весьма дорожила своим местом и жила у князя по несколько лет, — исключение в этом случае составлял кухонный мужик, который поступил к князю не более трех месяцев тому назад.

Прекрасная аттестация о нем графа Б., у которого он служил десять лет до отъезда последнего за границу, все собранные о нем сведения и правдивые ответы о том, как он провел последнюю ночь, внушали полную уверенность в его неприкосновенности к этому делу.

Я хотел уже кончить допрос, как вдруг у меня явилась мысль спросить кухонного мужика, кто жил у князя до его поступления.

— Я поступил к князю, когда уже был рассчитан прежде меня служивший кухонный мужик, и потому я его не видал и не знаю.

Стоявший тут же дворник при последних словах кухонного мужика сказал:

— Да он вчера был здесь.

— Кто это «он»? — спросил я у дворника.

— Да Гурий Шишков, прежний кухонный мужик, служивший у князя!.. — последовал ответ.

После расспросов прислуги и дворников оказалось, что служивший месяца три тому назад у князя кухонным мужиком крестьянин Гурий Шишков, только что отсидевший в тюрьме свой срок по приговору мирового судьи за кражу, совершенную им где-то на стороне, заходил за день до убийства во двор этого дома, чтобы получить расчет за прежнюю службу, но, не дождавшись князя, ушел, сказав, что зайдет в другой раз.

Предчувствие или опыт подсказали мне, что эта личность может послужить ключом к разгадке тайны.

Но где же проживает Шишков? У кого он служит или служил раньше?

На все эти вопросы, задаваемые мной прислуге князя, последняя ничего не могла ответить. Никто ничего не знал.

Немедленно я послал агента в адресный стол узнать адрес Шишкова. Прошел томительный час, пока агент не явился обратно.

«На жительство, по сведениям адресного стола, Гурий Шишков в Петербурге не значится» — вот ответ, который принес агент.

Между тем узнать местожительство Гурия Шишкова для успеха дела было весьма важно. Но как это сделать? Подумав, я решил пригласить полицейского надзирателя Б., велел ему немедленно ехать в тюрьму, в которой сидел Шишков, и постараться получить сведения о крестьянине Гурии Шишкове, выпущен-

ном на свободу несколько дней тому назад. Сведения эти он должен был получить от сидевших с Шишковым и отбывающих еще срок наказания арестантов. Полицейский чиновник поехал исполнять мои приказания.

Я был вполне уверен, что этот прием даст желаемые результаты.

Быть не может, думал я, чтобы во время трехмесячного сидения в тюрьме Шишков не рассказал о себе или о своих родных тому, с кем он вел дружбу. Весь вопрос в том, сумеет ли выведать Б. то, что нужно.

Через три часа я уже знал, что Шишкова во время его заключения навещали знакомые и его жена, жившая, как указал товарищ Шишкова по заключению, на Васильевском острове у кого-то в кормилицах.

Приметы Шишкова следующие: высокого роста, плечистый, с тупым лицом и маленькими глазами, на лице слабая растительность... Смотрит исподлобья.

— Прекрасно, поезжайте теперь к его жене, — сказал я Б., передавшему мне эти сведения, — и если Шишков там, то арестуйте его и немедленно доставьте ко мне.

— А если Шишкова у жены нет, то арестовать прикажете его жену? — спросил меня Б.

— Но не сразу... Оденьтесь на всякий случай попроще, чтобы походить на лакея, полотера — вообще на прислугу. В этом виде вы явитесь к мамке, конечно, через черный ход, вызовите ее на минуту в кухню и, назвавшись приятелем ее мужа, скажите, что вам надо повидать Гурия. Если же она вам на это заявит, что его здесь нет, то, как бы собираясь уходить, вы с сожалением в голосе скажите: «Жаль, что не знаю, где найти Гурия, а место для него у графа В.

было бы подходящее... Шутка сказать, 15 рублей жалованья в месяц на всем готовом. За этим я и приходил... Ну, прощайте, пойду искать другого земляка, время не терпит. Хотел поставить Гурия, да делать нечего». Если же и после этого жена вам не укажет адреса знакомых или родных, где, по ее мнению, можно найти Гурия, то вам надо будет, взяв дворника, арестовать ее и доставить ко мне, сделав обыск в ее вещах.

Между четырьмя и пятью часами вечера к воротам дома по 2-й линии Васильевского острова подошел какой-то субъект в стареньком пальто, высоких сапогах, с шарфом вокруг шеи. Это был переодетый Б. Он вошел в дворницкую и, узнав там номер квартиры, в которой жила г-жа К—ва, пошел с черного хода и позвонил. Дверь отворила кухарка.

— Повидать бы мне надо на пару слов мамку, — произнес Б. просительно.

Кухарка вышла и через минуту воротилась с мамкой. С первых же слов Б. увидел, что мужа ее в квартире нет. Когда он довольно подробно объяснил цель своего прихода и сделал вид, что собирается уходить, мамка его остановила.

— Ты бы, родимый, повидался с дядей Гурьяна... Он всегда пристаёт у него на квартире, когда без места, а у меня он больше трех месяцев не был, хоть срок ему уже вышел. Неласковый какой-то он стал! — с грустью заключила баба.

Кроме адреса дяди, мамка сказала еще два адреса его земляков, где, по ее мнению, можно было встретить мужа. Когда Б. передал мне весь свой разговор с женой Шишкова, я решил сделать одновременно обыск у дяди Шишкова, крестьянина Василия Федорова, проживавшего по Сергиевской ул. кухонным

мужиком у греческого консула Р—ки, и еще в двух местах по указанным адресам, где можно было бы рассчитывать застать Шишкова.

Обыск у крестьянина Федорова был поручен тому же Б., которому были известны приметы Гурия, а в помощь ему были командированы два агента...

Несмотря на приближение ночи — был уже девятый час на исходе, — Б. с двумя агентами и околоточным надзирателем подъехали на извозчиках к дому по Сергиевской улице. Тотчас звонком в ворота были вызваны дворники.

Из соседнего дома также по звонку явились два дворника, а по свистку околоточного надзирателя — два городских.

Все выходы в доме тотчас были заняты караулом, после чего полицейский чиновник Б. вместе с агентами, околоточным надзирателем и старшим дворником стали взбираться по черной лестнице во второй этаж. Чтобы застать врасплох и отнять возможность сопротивления или сокрытия вещей, Б. распорядился действием своего отряда так: старший дворник должен был позвонить у черных дверей, и когда войдет в кухню, то должен был спросить у Василия Федорова, нет ли у него Шишкова, за которым прислала его жена с Васильевского острова.

Вслед за дворником, у черных дверей, которые дворник не должен был наглухо затворять, чтобы можно было с лестницы слышать все, что происходит в кухне, и сообразно этому действовать, должны были находиться чиновник Б. и околоточный надзиратель. Агент же должен был занять нижнюю площадку лестницы и по свистку явиться в квартиру.

Старший дворник дал звонок. Дверь тотчас отворила какая-то женщина. Появление в кухне дворни-

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПУТИЛИН
СОРОК ЛЕТ СРЕДИ УБИЙЦ
И ГРАБИТЕЛЕЙ

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Ульяна Смирнова, Людмила Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.02.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 20,28. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА*, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА* тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-CPI-41437-01-R